

8-й годъ изданія.

Цѣна отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

СУББОТА, 24 мая 1914 г. № 2286

СУББОТА, 24 мая 1914 г. № 2286

Литературные мотивы.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ АЛЬМАНАХЪ «ШИПОВНИКА». — ПОЭМА С. ЧЕРНАГО. — ПЬЕСА Б. ЗАЙЦЕВА. — ПЯТЫЙ СБОРНИКЪ «ЖАТВА». — РОМАНЪ Г. ЧУЛКОВА «САТАНА». — ЧЕРНАЯ СОТНЯ И ВОИН СТУЮЩИЕ МОНАХИ.

I.

Взгляды на толстые журналы, наши альманахи и сборники также начинают переживать кризис. Чистый тип беллетристического сборника все больше утрачивается, и сборники приближаются разнообразием своих отделов и группировкой материала к толстым журналам. Сборники «Земля», «Познанию», «Приказам» долго жила. Но кризис еще держится «Земля» московского книгоиздательства. Зато старейший «Шиповник», столь долго стоявший на посту, начинает сдавать, и два последних его альманаха являются уже попытками найти новые для себя формы. «Энергия» А. В. Амфитеатрова прямо начала с журнальной формы. Той же формы придерживается и сборник «Жатва».

Трудно сказать, выйдет ли что-нибудь из этих новых исканий. Журнальный трафарет не Богъ въстать какой совершенный образец для подражания. Ярких же, красивых и талантливых произведений слышится мало у нас, а без них никакие новые формы не помогут дѣлу...

Альманахи «Шиповника» в последние время занимались, между прочим, вопросами современного театра. И, конечно, попали эти альманахи в центр общественного внимания. Но пока дальше этого повествования альманахи не пошли.

В последние, двадцать третьи, альманахи «Шиповника» напечатаны в высшей степени содержательные и интересные воспоминания артистов и артисток московского Художественного театра о А. П. Чехове. Воспоминания эти любовно и тщательно собраны г. Сулержицким, который отнесся к своей задаче с той же простотой и тем же благородством, какими запечатлѣна в вся жизнь, и вся дѣятельность покойного А. П. Чехова.

Этотъ нѣжный, задумчивый и изысканный писатель рисуетъ, какъ драматургъ. И артисты московского театра все единогласно свидетельствуютъ, что у Чехова былъ удивительно развитой дар театральности, дар бытоты и глубокого проникновения въ святая святыхъ сценическаго искусства, пониманія его интимностей, его условностей, его правды и лжи. Чеховъ жилъ въ театрѣ и любилъ его. Но, врагъ всякой внешней позы, экстравагантности, экспансивности, онъ не высказывалъ своихъ чувствъ и переживаній. Любопытна только одна черта у Чехова. Присутствуя на репетиціяхъ, онъ ждалъ объясненія, волнуясь, ходилъ въ проходы партера. И въ моментъ наивысшаго напряженія драматической коллизіи Чеховъ обыкновенно полумолкомъ смѣялся.

Артисты, конечно, приходили въ смущеніе, объясняя этотъ неожиданный и такой, казалось бы, неумѣстный смѣхъ недовольствомъ автора артистами и ихъ исполненіемъ ролей. К. С. Станиславскій, болѣе тепло наблюдавший писателя, болѣе интересно

объяснилъ этотъ смѣхъ — непосредственностью Чехова. Известно, что зрители-простые обыкновенно смѣются въ патетическихъ мѣстахъ пьесы. И это происходитъ совсѣмъ не отъ некультурности ихъ и художественной отсталости, а отъ простоты душевнаго созерцанія и своеобразнаго излома правды въ ихъ душахъ. Чѣмъ выше правда въ пьесѣ и въ исполненіи, тѣмъ ярче чувствуетъ она непосредственными душами и тѣмъ звонче звучитъ смѣхъ, отражая душевную радость отъ сознанія художественной правды.

Это маленький штрихъ. Но какъ онъ характеренъ для Чехова и какъ рисуетъ онъ непосредственность писателя въ самыхъ крайнихъ, самыхъ типичныхъ граняхъ. Такую связь между душой Чехова и сохраненіемъ до конца жизни, — не въ этомъ ли лежитъ одна изъ причинъ его обаянія?

II.

Самымъ цѣннымъ и по существу, и по историко-литературному интересу въ двадцать третьихъ альманахахъ «Шиповника» являются именно эти воспоминанія, записанныя г. Сулержицкимъ. Остальные произведенія не высокой цѣнности. Г. Танъ въ «Икарѣ» популяризируетъ историческія знанія въ разсказѣ, впрочемъ, весьма интересномъ и красочномъ. Г. Черный, если не ошибаюсь, впервые добивается серьезной большой поэмой на библейскія темы. Но его «Ной» не производитъ никакого впечатлѣнія. Не потому, что читатель привыкъ улыбаться весело, когда онъ читаетъ Сашу Чернаго, а потому, что поэтъ не соразмѣрилъ своихъ силъ, средствъ и изобразительныхъ ресурсовъ съ важностью, качествомъ и цѣнностью большой и величавой темы.

Ной передъ потопомъ — вѣдь это шекспировская трагедія, это напряженіе творчества Данте или Мильтона. А г. Черный отнесся къ этимъ темамъ слишкомъ просто. И, повидимому, его болѣе всего привлекалъ и интересовалъ — не даромъ г. Черный такой блестящій сатирикъ — почтенный господинъ Хамъ. Этотъ Хамъ яростъ и выскучъ въ поэмѣ. Остальное блѣдно и безцвѣтно. Въ поэмѣ есть сверкающія блестяща, есть фейерверкъ настроенія, рифмъ и мѣткости слова, порой выточенного и отточенного. Но все же это только блестяща. Въ поэмѣ нѣтъ пьесы, нѣтъ даже содержанія.

Пьесу г. Зайцева мы предпочли бы совершенно не знать. Охватываетъ досадное чувство, когда ее читаешь. Какъ такой нѣжный, кроткій, тихій, на задумчивыхъ струнахъ какого-то неземнаго и мягкаго инструмента играющій Зайцевъ могъ написать такую неаппетитность?!.. Ни характера, ни дѣйствій, ни интриги, ни смѣха, ни слезы, нѣтъ въ этой пьесѣ. Есть нагроможденіе ужасовъ въ средѣ искусственно-спаянной въ одно цѣлое. Есть большое надрывное отношеніе къ современной сценѣ. И нѣтъ правды, потому что все преувеличено,

Молодая богачка купила себѣ мужа-интеллигента. Онъ — Богъ его знаетъ, что онъ собою представляетъ — влюбляется въ свою родственницу, у него въ домѣ живущую. А жена распутничаетъ, сходится съ какими-то мерзавцами, которые, въ концѣ концовъ, шантажируютъ ее. А у мужа отъ перваго брака есть сынъ, который влюбленъ въ родственницу-сожительницу отца. Объясненіе отца и сына по этому поводу кончается самоубійствомъ сына. Но и отецъ ничего не приобрѣлъ. Онъ бросаетъ свою юную сожительницу. А жена его кается публично въ своихъ злодѣйскихъ грѣхахъ и т. д. Скучно рассказывать скучное содержаніе скучнаго произведенія. Жаль, конечно, что Б. Зайцевъ не отказался отъ соблазна опубликовать драматическое произведеніе, которое не могло ни при какихъ условіяхъ увидѣть свѣтъ рампы...

III.

Въ пятомъ сборникѣ «Жатва» есть очень интересное произведеніе г. Чулкова — «Сатана». Но сначала нѣсколько словъ о самомъ сборникѣ, о которомъ намъ приходилось уже говорить на страницахъ «Современнаго Слова».

«Жатва» не просто сборникъ, а сборникъ съ определенной программой и съ определенной тенденціей. Онъ ставитъ себѣ цѣлю «оздоровить и обновить нашу литературу, вернуть ее на путь былого расцвѣта». Что редакція сборника подразумеваетъ подъ былымъ расцвѣтомъ — неизвѣстно. Но зато хорошо видна нѣкоторая рекламная водоплека редакціоннаго воззванія, сводящагося къ извѣстному уже и въ кабаре попавшему курьезному издательскому мотиву: «мы не щадимъ никакихъ затратъ для того, чтобы... уволить читателя...»

Этотъ манифестъ не стоилъ бы никакой монеты, даже фальшивой, если бы редакція сборника не выступила еще и въ новой роли высшаго литературнаго судьи, въ роли какой-то академіи русскихъ бессмертныхъ, въ роли судьи свѣтлаго и недоступнаго смертнымъ.

Редакція «Сборника», напримѣръ, публикуетъ «Золотую Доску» «Жатвы». На этой золотой доскѣ — въ редакціи «Жатвы» сидятъ, очевидно, школьники, до сихъ поръ не переварившіе гимназическихъ воспоминаній о черныхъ и золотыхъ доскахъ, — печатаются названія книгъ, представляющихъ, по мнѣнію литературнаго комитета редакціи «Жатвы», «наибольшій интересъ для чтенія и выдающихся какъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ, такъ и по идейнымъ и общественно-полезнымъ цѣлямъ».

И заинтересованный этимъ новымъ судилищемъ читатель находитъ, напримѣръ, на золотой доскѣ знакомыя имена. Около этихъ именъ обозначаются и произведенія писателей, прошедшія черезъ грозное чистилище редакціи «Жатвы». На золотую доску пока удостоились быть внесенными немногіе русскіе писатели, какъ покойные, такъ и нынѣ здравствующие. Изъ покойныхъ русскихъ писателей «Жатвой» рекомендуютъ: Иннокентій Анненскій, Н. Гарины (Михайловскій), В. Гаршинъ, Надсонъ, Вл. Соловьевъ, А. Чеховъ, К. Фединъ и П. Ф. Якубовичъ. А изъ здравствующихъ на золо-

тую доску внесены самые разнообразные дѣятели художественнаго слова, что свидѣтельствуетъ о томъ, что въ редакціи «Жатвы» нѣтъ ровно никакой редакціи.

Такъ, первыя награды получили: Леонидъ Андреевъ за первые рассказы: «Въ зѣлѣ» и «Черный маски»... И. Бунинъ только за переводы съ иностраннаго!.. Мережковский только за трилогию... и т. д. Въ списокъ попалъ даже В. В. Розановъ за свои «Людей луннаго свѣта», т. е. за оргастическо-эротическое произведеніе, написанное по Крафту-Эбигу...

Все эти претензіи бросаютъ довольно неприятный свѣтъ на сборникъ, давшіе въ пяти выпускахъ, въ сущности, весьма немногое: мы могли отмѣтить только «Сутловское гнѣздовье» С. Городецкаго да «Мертвецовъ» Чулкова... Критическія статьи этого сборника весьма жалки и безсодержательны, за исключеніемъ произведеній г. Сергія Глазюга.

При такихъ условіяхъ выступать съ манифестами, а затѣмъ съ претензіями быть высшими судьями русской литературы — болѣе чѣмъ смѣшно...

IV.

«Сатана» Г. Чулкова — большой романъ изъ злободневной современной жизни.

Главнымъ героемъ этого романа является черная сотня, союзъ русскаго народа и латниковъ — подъ такимъ псевдонимомъ скрытъ черносотенный союзъ. Авторъ взялъ интересную задачу прослѣдить и описать психологію тѣхъ темныхъ силъ, которыя ополчились на нашу родину послѣ врывовъ революціи, показать изъ какихъ элементовъ эти силы комплектовались и какъ онѣ проявили себя въ жизни.

Есть много удачныхъ, порой блестящихъ страницъ въ этихъ изображеніяхъ г. Чулкова. Хорошо обрисованъ тяжкій, степенный, мощный тягучій и совершенно дикій монахъ Софроній, который во имя своей нечистой программы убилъ своего политическаго противника и который стоитъ, въ сущности, на революціонной точкѣ зрѣнія, потому что для него цѣль оправдываетъ средства, которыя онъ хороши, хотя бы онъ были по уши въ крови. Его соратникъ по политической партіи монахъ Евсей тоже взялъ въ жизненныхъ краскахъ и на жизненномъ фонѣ. Но самымъ удачнымъ типомъ черносотенныхъ дѣльцовъ нужно признать Фалалея Безпята, чловѣка съ университетскимъ образованіемъ, женатнаго, однако, на какой-то подозрительной гадалкѣ. Этотъ Фалалей бросается въ самую густую политическую свѣчу. Состоитъ председателемъ черносотеннаго отбѣла, мутитъ, устраиваетъ скандалы. Но онъ циникъ. При другихъ условіяхъ онъ, быть можетъ, перешелъ бы въ ряды революціи, скоро, однако, отбѣлшій Азефъ. Онъ признается, что онъ пошелъ въ ряды черной сотни изъ-за спорта, озорства, изъ любви къ скандаламъ, въ жилищной аловѣ, изъ олушѣ, изъ бурмъ, изъ авантюризма. Ему, въ сущности, совершенно все равно, кто и что будетъ изъ Руси. Ему важно драть свое горло, всюду свѣять олушу, вражду, неприязнь, ворошить пробираться въ чужія души и воровски собирать своихъ приверженцевъ.

У Фалалея двое сыновъ: старшій Николай, —

однимъ изъ нихъ былъ образованный студентъ, который всю политикѣ, повидимому, видитъ въ томъ, чтобы спросить во время, кого надо бить?... У Фалалея есть вліяніе, есть приверженцы, конечно, среди темныхъ силъ. И даже среди свѣтлыхъ старцевъ.

Мотивы теперь старцы выведены г. Чулковымъ въ образѣ Василия Безсмысленнаго, явнаго черносотенца и тайнаго хлыста, сластолюбца и развратника. Этотъ Василий является точно тѣмъ въ большомъ романѣ. Но все же онъ очень яростъ и жизненно-типиченъ.

Конечно, на этомъ пути автору угрожаютъ много соблазны — сфотографировать, напримѣръ, современныхъ конкретныхъ дѣателей. Но г. Чулковъ проявилъ много художественнаго такта, воздержавшись отъ фотографичности. Поэтому его романъ лишенъ даже и тѣни памфлетности...

Общая идея романа выражена его заглавіемъ. Сатана вдохновилъ все черносотенное движеніе. Сатана далъ ему въ руководители монаховъ, которые такъ далеки отъ идеаловъ монашества, какъ папачъ далеки отъ идеаловъ личной святости. Сатана одурманиваетъ людей въ ихъ безумныхъ порывахъ къ реакціонному, мучительному, горькому повороту къ аракчеевскимъ идеямъ. Здоровые люди не могутъ идти противъ культуры. Знамя чернаго деспотизма надъ совѣстью, умомъ, честью и достоинствомъ чловѣка могли поднять только люди, которые въ душѣ были папачами, хотя бы они носили форму священническую и произносили бы часто слова писанія и Христа...

Сатана помрачилъ умы православныхъ, потому что именно православные потянулись къ безднѣ неистовой и гнусной реакціи, хотя именно религія Христа должна была бы указать на грѣхъ такого помраченія умовъ...

За этими общими выводами, которые можно оспаривать, но которые, во всякомъ случаѣ, должны быть приняты во вниманіе при учетѣ нашихъ политическихъ силъ, развѣрнувшись въ бытовую борьбу, авторъ строитъ интересную фабулу, очень живую, подвижную и разворачивающуюся быстро и захватывая вниманіе.

Отецъ Фалалея — миллионеръ многобрачный, странный и интересный старикъ. Онъ весьма, какъ и монахи, склоненъ къ святымъ книгамъ и священному писанію. Но въ то же время онъ воркотня, старческимъ окомъ възираетъ на современную быстротечную жизнь. И зрѣлымъ смысломъ своимъ распознаетъ отлично, гдѣ гнѣздится правда и гдѣ влещетъ жизнь неправда.

У него три сына. Старшій Николай — ни то — ни се, но съ большимъ уклономъ въ мораль. Упомянутый авантюристъ Фалалей. И, наконецъ, младшій Иванъ.

Это типъ новый, къ сожалѣнію, невыдержанно очерченный авторомъ. Онъ лидеръ «либеральной» партіи. Простой, даже простецкій чловѣкъ, не склонный къ сложности жизни. Мяткій, уступчивый, но активный, не способный къ протестамъ, онъ читаетъ лекціи въ университетахъ, пишетъ въ газетахъ и прославляется. Онъ даже лидеръ оппозиціи... и даже въ Государственной Думѣ...

Около этого Ивана залупывается весьма

сложная интрига, которую хорошо развиваетъ авторъ въ своемъ романѣ.

Въ этой интригѣ есть моменты буквально ослѣпительные по своей красотѣ. Это, когда авторъ даетъ намъ близко познать очаровательнѣйшее существо — княжну (почему понадобился громкій титулъ?) Ольгу Милульскую.

Олеся это, дѣйствительно, одно очарованіе. Очарованіе, которое г. Чулковъ решаетъ нѣсколько скучно. Если бы онъ, талантливый, ограничился бы одной Ольгой, пожалуй, весь романъ выигралъ бы отъ этого. Въ образѣ Ольги, оригинальнѣйшемъ, живомъ, такомъ странномъ и загадочномъ, манищемъ и зовущемъ, авторъ достигъ према совершенства. Увы, эта прекрасная девушка, образъ которой, если бы его развѣбать по-тургеневски, остался бы изъ вѣчныхъ въ литературѣ, поддается рѣзко и романѣ. Просто г. Чулковъ, увлекаемый политическими мотивами романа, пренебрегаетъ той прелестью, которая даетъ красоту всѣму, что съ ней соприскасается.

Концовка романа нѣсколько проста. Черносотня убиваетъ Ивана, депутата оппозиціи. Старшій Безпатовъ оставляетъ свое громадное наследство по своимъ новымъ законамъ, а случайно обманутому, незаконному сыну-художнику, беззастѣнчиво Ольгу, много разъ влюбившемуся въ свою любовь, затѣмъ отнимавшему къ Ивану, остается невѣсткой и невѣсткой, но все же находитъ нѣкое затишье.

Какъ видитъ читатель, романъ въ нѣкой степени интересенъ, потому что изъ хватываетъ всѣ утолки современной жизни, наиболѣе чувствительные, наиболѣе существенные, наиболѣе страшные. Большие недостатки романа все же являются его незаконченность, блѣдность, разбросанность и явная торопливость. Власть величавыхъ живописныхъ сюжетовъ, г. Чулковъ почему-то ударился въ сторону, отошелъ отъ этихъ сюжетовъ (подчеркиваю: отъ величавыхъ Ольги), неравномерно распредѣливъ свой напряженно-интересный материалъ, бессистемно его обработавъ и въ итоге большой и яркой картины, которая сама собою напрашивалась, далъ намъ только вслѣдствіе наброски, контуры, эскизы...

Это досадно, потому что при нѣкоторомъ вниманіи къ темѣ изъ произведенія г. Чулкова получился бы нѣчто большее. То, что публикуется теперь въ русской художественной мысли, которая идетъ въ путяхъ философскихъ и моральныхъ исканій.

Романъ г. Чулкова, конечно, прочтенъ всѣмъ, кто слѣдитъ за судьбами современной жизни и теченій. Досадно, что онъ, изъ-за погони за политикой, потерялъ много изъ художественнаго отношенія. Но и за это минуемъ «Сатану» на доброту прочтѣнія. Не въ художественныхъ произведеніяхъ послѣднее время отличаются такими качествами...

А. А. Острогоръ.